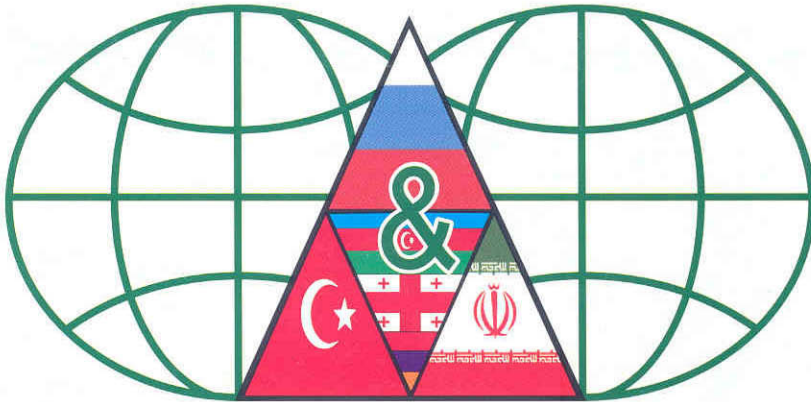

ISSN 1817-7190

ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА

КАВКАЗ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Журнал

социально-политических и экономических исследований

Том 1 (1)

2006

CA&CC Press®

ШВЕЦИЯ

ГЕОЭКОНОМИКА

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ, РЕАЛИЗОВАННЫЕ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	<i>Владимир ПАПАВА</i>	99
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	<i>Станислав ЖУКОВ, Оксана РЕЗНИКОВА</i>	109
О ВЗАИМОСВЯЗИ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ	<i>Назим МУЗАФФАРЛИ (ИМАНОВ)</i>	124

ГЕОКУЛЬТУРА

К МЕТОДОЛОГИИ ПОИСКА АРХЕТИПИЧНОГО КАВКАЗА	<i>Гасан КУЛИЕВ</i>	143
ПОИСКИ СОВРЕМЕННОЙ «ГОРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ» НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	<i>Ирина БАБИЧ</i>	154
ИСЛАМСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ НА КАВКАЗЕ: РЕАЛЬНОСТЬ УГРОЗЫ И ПУТИ ЕЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ	<i>Эльмир КУЛИЕВ</i>	165
ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ГРУЗИИ: РЕЛИГИОЗНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	<i>Арчил ГЕГЕШИДЗЕ</i>	172
АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ДИЛЕММА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: «ВПЕРЕД» — В ЕВРОПУ ИЛИ «ОБРАТНО» — В АЗИЮ?	<i>Рауф КАРАГЕЗОВ</i>	179

ГЕОИСТОРИЯ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО НА КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (<i>геоисторический очерк</i>)	<i>Парвин ДАРАБАДИ</i>	195
---	----------------------------	-----

Эльмир КУЛИЕВ

Директор Департамента геокультуры Института стратегических исследований Кавказа, автор 9 монографий, свыше 50 статей и переводов, посвященных проблемам истории и философии ислама, мусульманского права и диалога между культурами. В 2002 году завершил работу над переводом смыслов Священного Корана на русский язык, впоследствии дополнив его собственными комментариями. В настоящее время занимается проблемами культурной безопасности Центрально-Евразийского региона.

ИСЛАМСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ НА КАВКАЗЕ: РЕАЛЬНОСТЬ УГРОЗЫ И ПУТИ ЕЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

Резюме

В статье рассматривается роль и место ислама в современных общественно-политических процессах на Кавказе, выявляются основные факторы, способствующие росту религиозного экстремизма, дается критическая оценка некоторым методам, используемым в борьбе с экстремистскими идеями. Подчеркивая важность социально-эко-

номических основ религиозного экстремизма, автор отмечает четкие различия между тенденциями, имеющими место в Азербайджане и на Северном Кавказе. Заслуживают внимания и предложенные в статье меры по борьбе с радикальными идеями, направленные на социализацию религиозных общин с учетом ряда канонических предписаний шариата.

Глобальные трансформации породили сложные и необратимые процессы, не только изменившие принципы межгосударственных отношений, но и пошатнувшие устои системы международной безопасности. Движимый желанием реализовать экономическое и военное превосходство в культурное и духовное господство, Запад коснулся глубоких пластов сознания других цивилизаций, нарушив пусть медленный, но длившийся веками процесс его эволюции. За грубыми методами вмешательства легко просматривались истинные намерения глобальных реформаторов, которые не только не были готовы, но и не испытывали желания вступать в диалог с «третьим миром». Место Юга в новой мировой системе было «предрешиено» и даже получило «научное» обоснование в трудах ряда западных ученых, таких как С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, Б. Льюис, Р. Каплан, А. Шлесинджер и др.¹

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ: Ермак, 2005; Lewis B. The Roots of Muslim Rage // The Atlantic Monthly, September 1990, Vol. 266, No. 3; Kaplan R. The Ends of the Earth: A Journey at the Dawn of the 21st Century. New York: Random House, 1996; Он же. Balkan Ghosts. New York: Vintage Books, 1993; Schlesinger A. The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society. New York: Norton, 1992.

Это породило всплеск религиозной и этнической самоидентификации как способа самосохранения в условиях хаотической трансформации обществ и их неестественного разделения на элитарные группы и массы. Наиболее открыто неприязнь к новому проекту проявилась в мусульманском мире, воспринявшем посягательство на превосходство и универсальность ислама как угрозу своему существованию.

Экономическая и технологическая отсталость, низкий уровень образования и культуры, а также отсутствие собственных политических и социальных концепций, учитывающих как положительные особенности традиции, так и современные достижения, не позволили мусульманским странам (за исключением, пожалуй, Малайзии) принять вызовы глобализации. И хотя аш-Шафии (767—820), Ибн Ханбал (780—855), аль-Газали (1058—1111), Ибн Теймийя (1263—1328), Ибн Халдун (1332—1406) и другие ученые посвятили немало трудов вопросам государственного устройства и общественных отношений, они, как справедливо подметил профессор Висконсинского университета Али Абуталеби, «уделяли политическому измерению шариата меньше внимания, чем его теологическому аспекту. Такие насущные проблемы, как соотношение прав индивида и общины (уммы), права на правление, источник политической легитимности, право или обязанность выступления против несправедливого правителя, остались неразработанными. Богословы не исследовали в деталях обязанности и функции исламского правительства. В результате конкретная политическая философия, основанная на шариате, так и не была разработана, а исламское политическое мышление осталось чисто спекулятивным»².

Осознание постоянно увеличивающегося разрыва между Севером и Югом, политическая и военная поддержка, оказываемая США и Европейским союзом еврейскому государству, память об относительно недавней колонизации мусульманских стран, а также оставленное европейцами наследие в лице не оправдавших себя националистических режимов породили среди мусульман крайне негативное отношение к Западу. Возникли реальные предпосылки для распространения радикальных движений и политических идей, опирающихся на религиозную догматику.

Тем не менее истоки религиозного экстремизма в исламе было бы неправильно искать исключительно в самом мусульманском мире. Транснациональность вероучения, простота и рационализм религиозных постулатов (например, совершенная монотеистическая традиция и отсутствие церковной иерархии), выгодное геополитическое положение мусульманских стран, обладание огромными запасами углеводородного сырья, изменяющаяся демографическая картина мира и т.п. вызвали озабоченность архитекторов будущего мира. Ислам, который еще недавно использовали для ослабления влияния главных соперников на евразийском пространстве, был объявлен угрозой новому «мировому порядку». Однако его воинственных последователей все еще можно было использовать в локальных конфликтах и в качестве инструмента идеологической борьбы с распространением самого ислама в США и Западной Европе.

Одним из таких регионов стал Кавказ — сложный этноконфессиональный конгломерат, с начала 1990-х годов охваченный процессами трансформации общественного сознания и становления государственности. Столкнувшиеся здесь интересы крупных держав вылились в ряд затянувшихся вооруженных конфликтов. И хотя исламское возрождение стало одним из самых ярких общественно-политических явлений на Кавказе в постсоветский период, религиозная составляющая не имела первостепенного значения ни в одном из этих конфликтов. Тем не менее сегодня именно религиозный экстремизм является одним из самых серьезных дестабилизирующих факторов в регионе. Он не только представляет угрозу суверенитету и целостности государств, придавая особую тональ-

² *Abootalebi A.R.* Islam, Islamists, and Democracy // *Middle East Review of International Affairs*, Vol. 3, No. 1 [<http://www.biu.ac.il/SOC/besa/meria/journal/1999/issue1/jv3n1a2.html>].

ность международным отношениям, но и ставит под удар интересы большинства верующих, не разделяющих крайние взгляды.

Для достоверной оценки такой угрозы мы попытаемся проанализировать роль и место ислама в общественно-политических процессах на Кавказе, факторы, способствующие росту религиозного экстремизма, а также критически рассмотреть некоторые методы, используемые сегодня в борьбе с экстремистскими идеями.

Ислам проник в регион в VII веке, но обращение проживавших здесь коренных народов в эту религию продолжалось вплоть до XVIII века. За минувшие столетия он оказал существенное влияние на духовную культуру, традиции и быт кавказских народов. Массовый возврат к религии сегодня объясняется, с одной стороны, попытками простых людей и научной интеллигенции найти в источниках традиционных ценностей механизмы преодоления социально-экономического кризиса, политической раздробленности, а также духовные ресурсы для борьбы с коррупцией и преступностью; с другой — желанием властей направить общественную энергию в необходимое для себя русло и извлечь из этого политические дивиденды.

Тем не менее отношение к религии у большинства мусульманских народов Кавказа сильно отличается от такового в арабо-мусульманском мире и ряде других регионов традиционного распространения ислама. По словам Брендзы Шаффер, директора Центра исследований Каспийского региона Гарвардского университета, «для большинства мусульман Кавказа ислам служит компонентом их этнической и региональной идентичности, но не является первичной коллективной идентичностью. Солидарность на основе ислама с мусульманами за пределами Кавказа минимальна, хотя и выявляется у малочисленных групп на Северном Кавказе. Большинство жителей региона высоко ценят свои местные традиции и не особенно восприимчивы к их отождествлению с мусульманским миром в более широком понимании»³.

Несмотря на это, некоторые исследователи склонны преувеличивать влияние исламского фактора на протекающие здесь процессы. Так, по мнению египетского аналитика Карима Камела из Американского университета (Каир), несмотря на серьезную вражду между суфийскими братствами и еще более радикальными исламистами, присутствие российских войск и проявляемая ими жестокость «в значительной степени объединили все исламские силы против общего врага»⁴.

Подобная оценка не столько отражает реальное положение, сколько напоминает политическое заявление. На Кавказе проживают около 60 коренных народностей, относящихся к разным языковым группам и даже семьям. По итогам Всероссийской переписи населения 2002 года, численность населения восьми республик Северного Кавказа составляет 6,9 млн чел. Численность населения трех государств Центрального Кавказа — 15,8 млн чел. (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, по приблизительным оценкам, численность мусульманского населения региона составляет 59,5%, христианского — 39,5%. Многовековой опыт взаимодействия с православной цивилизацией повлиял на мировоззрение коренных народов Кавказа, способствовал накоплению в их общественном сознании опыта совместного проживания. Несмотря на культурную и духовную близость с остальным мусульманским миром, народы Кавказа принадлежат к евразийской культурно-исторической системе.

Все это, однако, не позволяет говорить о существовании на Кавказе особой формы мусульманской культуры, поскольку религиозная традиция здесь представлена целым рядом течений, между которыми существуют принципиальные разногласия. Из этого

³ Shaffer B. It's Not about Ancient Hatreds, It's about Current Policies: Islam and Stability in the Caucasus [http://poli.vub.ac.be/publi/crs/eng/Vol5/shaffer.htm].

⁴ Kamel K.M. Islam in the Northern Caucasus: The Politics of Militancy and Revolt [http://islamonline.net/English/Views/2004/11/article03.shtml].

Таблица 1

**Конфессиональный состав государств
и республик Центрального и Северного Кавказа**

Административная единица	Население (млн чел.)	Мусульмане (в %)	Христиане (в %)	Прочие (в %)
Азербайджан	8,3	95,6	4,2	0,2
Армения	3,2	—	99,99	0,01
Грузия	4,3	11,0	88,0	1,0
Адыгея	0,44	29,0	70,0	1,0
Дагестан	2,57	94,6	4,9	0,5
Ингушетия	0,47	95,5	4,5	—
Кабардино-Балкария	0,90	72,0	27,8	0,2
Калмыкия	0,29	12,2	34,5	53,3
Карачаево-Черкесия	0,44	64,8	35,2	—
Северная Осетия-Алания	0,71	8,7	91,2	0,1
Чечня	1,10	96,32	3,68	—
ВСЕГО:	22,72	59,5	39,5	1,0

можно заключить, что принадлежность к исламу не может стать ключевым фактором политического сближения в регионе.

Что же подтолкнуло некоторых мусульман на Северном Кавказе и в Азербайджане к восприятию радикальных взглядов? Было ли это всего лишь частью глобальной тенденции, поразившей мусульманский мир, или же истоки религиозного экстремизма на Кавказе имели свои особенности?

Российский исследователь К. Поляков связывает возникновение экстремистских взглядов на постсоветском пространстве с такими явлениями, как противоречия «догоняющей» модернизации, деформирующая роль «зависимого развития», демографические диспропорции, поощрения со стороны противников по «холодной войне», инструментальное использование ислама как мобилизующей идеологии, а также внутренние доктринальные источники зарождения и развития исламизма. Подчеркивая особую актуальность внешнего фактора, исследователь отмечает, что он носит ограниченный характер и лишь усиливает «глубинные социокультурные сдвиги внутри местных обществ и неспособность традиционного ислама удовлетворить формирующиеся в них новые интеллектуальные, духовные, социальные и политические интересы»⁵.

По нашему мнению, если говорить об экстремизме чисто религиозном, а не этническом, то его главная причина лежит в нетрадиционной трактовке текстов Корана и сунны, а также в религиозной неграмотности населения. Особенность религиозного экстремизма в том, что любые противоправные действия в отношении лиц, не разделяющих определенные воззрения, оправдываются священными текстами. Возможности

⁵ Поляков К. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX века (на примере арабских стран). В кн.: Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. А. Малащенко и М.Б. Олкотт. М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. С. 268.

для подобных толкований в исламе, как и во многих других религиях, довольно велики. Абстрактность священных писаний, противопоставление (на уровне вероучения) правверных неверующим, наличие религиозных предписаний, касающихся боевых действий, а также исторический опыт далеко не мирного сосуществования религий (особенно в Средние века) позволяют интерпретировать священные тексты вопреки сути и предназначению самой религии.

С отдельными примерами религиозного экстремизма мы сталкиваемся и в Азербайджане, где радикальные религиозные организации стали проявлять активность в конце 1990-х годов. Одной из первых подобных группировок была так называемая «Армия Аллаха» («Джейшуллах»), действовавшая в республике с конца 1996 года (в октябре 2000 г. руководители группировки Мубариза Алиева приговорили к пожизненному заключению, а остальных 12 членов — к лишению свободы на сроки от 4 до 13 лет).

19 апреля 2006 года завершился суд над группой из 16 граждан Азербайджана, России, Турции и Йемена, обвиненных в причастности к террористической деятельности. Их руководитель, Ариф Гаджиев, был приговорен к пожизненному заключению, а остальных осудили на сроки от 5 до 10 лет лишения свободы. На настоящий момент это последний судебный процесс по делу религиозных экстремистских группировок в Азербайджане.

Как показывают наблюдения, экстремистские взгляды не нашли поддержки у подавляющего большинства верующих республики. Устоявшиеся традиции веротерпимости, эффективная деятельность спецслужб, лояльность большинства местных религиозных лидеров светским властям и активная пропагандистская кампания против религиозного насилия свели к минимуму «успехи» зарубежных эмиссаров и их приспешников. Даже усилия некоторых чеченских беженцев, которые были основными распространителями радикальных взглядов в республике, не склонили азербайджанских верующих к ультра-радикальным методам взаимодействия с обществом и государством.

С несколько иной ситуацией пришлось столкнуться на Северном Кавказе, входящем в состав Российской Федерации с преобладающим христианским населением и узаконенной особой ролью православия. Здесь религиозные взгляды переплелись с этническим сепаратизмом, который апеллировал к идее создания исламского государства. Чечня, первая сделавшая шаг к независимости, превратилась в главный очаг сопротивления федеральному Центру. Призывы к джихаду против неверующих быстро подхватила религиозная молодежь, немалая часть которой еще недавно занималась сомнительным «бизнесом». Социально-экономические проблемы региона, слабость федерального Центра, интересы зарубежных геополитических акторов, этнические особенности горцев, а также историческая память о репрессиях в отношении ряда народов Кавказа — все это способствовало обострению конфликта, исхода которого ждали не только в других северокавказских республиках, но и в государствах дальнего зарубежья. Однако вскоре после подписания в Хасавюрте в августе 1996 года мирного соглашения, предусматривавшего полный вывод российских войск из Чечни, выявились острые противоречия между радикально настроенными ортодоксами, называемыми «ваххабитами», и традиционно распространенными в регионе суфийскими тарикатами. Попытка искусственного построения шариатского государства на Северном Кавказе была обречена на провал, который наступил очень скоро и обернулся очередной трагедией для многих народов региона.

Тем не менее в определенном смысле этот урок пошел на пользу остальным мусульманам. Сепаратистские тенденции сменились лояльностью светским властям (по крайней мере, внешней) и готовностью к конструктивному диалогу. Однако проблема религиозного экстремизма до сих пор не нашла окончательного решения, потому что силового решения она не имеет. Физическое уничтожение лидеров вооруженных группировок не устраняет факторы, способствовавшие появлению и распространению здесь ультра-радикальных взглядов. Напротив, жестокость правоохранительных органов и корруппиро-

ванность местных чиновников лишь провоцируют маргинализацию населения и межэтническую вражду.

Для борьбы с этими явлениями необходимо заложить основы реформирования общественного сознания в мусульманских регионах, оказать поддержку идеям, ориентированным на синтез исламских ценностей с либеральным мышлением, создать условия для полноценной интеграции мусульман в научную и общественную элиту. Как справедливо отмечает Н.Д. Косухин, экстремизм не следует отождествлять с поиском модели развития, основанной на исламских ценностях, альтернативной либерально-христианской модели. «Экстремисты отчасти побочный продукт отказа правительства допустить их к участию в системе демократизации общественной жизни»⁶. Целесообразным представляется и создание правовой базы для привлечения религиозных объединений к решению социальных проблем, что позволит направить творческую энергию верующих на благотворительность или иную законную деятельность.

Для решения этих задач следует в первую очередь откорректировать процесс религиозного просвещения, создав условия для того, чтобы желающие приобрести знания о религии не нуждались в обращении к зарубежным миссионерам и некомпетентным проповедникам. В настоящее время проблема религиозного образования остро стоит на всем Кавказе, поскольку действующие духовные учебные заведения (медресе) готовят кадры, в силу особенностей мировоззрения и религиозных взглядов, как правило, не способные проводить в жизнь государственную политику в сфере религии. В этой связи нам представляется целесообразным открыть полноценные исламские вузы, в которых студенты смогут получить и обязательное второе, светское образование. Препятствием этому сегодня является нехватка специалистов, способных преподавать религиоведение, философию религии и богословие в высших учебных заведениях, и от скорейшего разрешения данной проблемы в конечном счете зависит успех реформаторской мысли.

Организация высшего образования возможна на базе ныне функционирующих исламских вузов. На северо-западе Кавказа есть лишь два таких института (в Нальчике и Черкесске), работающие без лицензии. Светские предметы в них практически не преподаются, и, по мнению научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН А. Ярлыкапова, назвать их вузами в полной мере нельзя⁷.

К августу 2002 года в Дагестане было открыто 16 исламских вузов и 49 их филиалов, где получали образование 5 730 студентов, из которых 2 830 — в филиалах. Однако даже в Дагестанском исламском университете им. имама аш-Шафии вообще не преподают светские дисциплины, и, по оценке А. Булатова, его «программа обучения вполне соответствует уровню обычного медресе»⁸.

В Азербайджане функционирует Бакинский исламский университет, имеющий три зарегистрированных филиала в районах страны. А с 1992 года теологический факультет Бакинского государственного университета готовит специалистов по исламоведению. Правда, хотя в последние годы уровень знаний его выпускников значительно вырос, они все же не способны конкурировать с лицами, получившими религиозное образование за рубежом.

Другим важным направлением борьбы с экстремистскими тенденциями должно быть решение социально-экономических проблем. По данным Федеральной службы государственной статистики России, за первое полугодие 2004 года среднемесячная зарплата на

⁶ Косухин Н.Д. Политизация ислама и проблема столкновения цивилизаций в современном мире [http://humanities.edu.ru/db/msg/44345].

⁷ См.: Ярлыкапов А.А. Исламское образование в Дагестане: эволюция содержания [http://www.ethnonet.ru/lib/01-04-01.html].

⁸ Булатов А., Ярлыкапов А. Ислам на Северном Кавказе: современные проблемы. В кн.: Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад 2004 / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М.: УОП ИЭА РАН, 2005. 544 с.

дного работника в среднем по РФ составила 6 411 рублей, в среднем по Южному федеральному округу — 4 402 рубля, а в республиках Северного Кавказа — 3—3,5 тыс. Долги по арплате в среднем по стране составили 160% к фонду оплаты труда предприятий-должников, в Южном федеральном округе — 210%, а в Дагестане — 445%⁹. Уровень безработицы в Южном федеральном округе (13,1%) значительно превышает средний показатель по РФ (8,3%). По территории округа он колеблется от 10,1% в Северной Осетии-Алании до 1,6% в Ингушетии¹⁰.

Наряду с ограничением произвола коррумпированных чиновников, чинящих препятствия развитию мелкого и среднего предпринимательства, одним из эффективных средств улучшения ситуации могут стать программы беспроцентного микрокредитования, учитывающие коранический запрет на получение процентных ссуд. Подобные меры способны содействовать не только социализации изолированных от общества групп верующих, но и изменить их отношение к легитимности власти в целом.

Важным шагом на пути сокращения религиозного радикализма, на наш взгляд, станет реальная, а не двусмысленная амнистия лиц, имевших отношение к незаконным вооруженным формированиям, но не замешанных в совершении жестоких террористических актов, подобных захвату школы в Беслане.

Среди уже освоенных механизмов противостояния радикальным группировкам можно назвать пресечение незаконного финансирования религиозных объединений, установление контроля над выделением грантов и пожертвований на религиозные цели, ограничение на ввоз и распространение религиозной литературы и т.п.

Как показывает практика, некоторые из этих мер приводят к спекуляциям со стороны отдельных чиновников и духовенства. В частности, в Дагестане после введения ограничения на распространение «ваххабитской» литературы из книжных магазинов стали изымать переводы Корана академика И.Ю. Крачковского и профессора М.-Н.О. Осмаюва, а также богословскую литературу, не содержащую экстремистских идей. В «черный список» дагестанского духовенства попали даже простые молитвенники.

Порой отдельные действия властей и правоохранительных органов не только не стабилизируют ситуацию, а, наоборот, усугубляют ее. Так, политика «запугивания» и преследования верующих в Дагестане привела к радикализации даже тех мусульман, которые прежде придерживались умеренных взглядов. Результатом стала гибель десятков сотрудников милиции и мирных жителей. Фактическое закрытие мечетей в Кабардино-Балкарии привело к росту недовольства среди верующих, что впоследствии вылилось в нападение на здания силовых структур в Нальчике (октябрь 2005 г.). Такие шаги не способствуют оздоровлению обстановки, но зато используются определенными силами для сохранения своего привилегированного положения.

Подытоживая наше исследование, можно заключить, что религиозный экстремизм на Кавказе возник вследствие острых социально-экономических и политических противоречий, а не как результат религиозного возрождения. Данное явление недопустимо рассматривать в свете теории столкновения цивилизаций, поскольку она изначально предполагает аксиоматичность противостояния и безрезультатность диалога.

Нынешние геополитические реалии и недавние политические успехи исламистских партий в Палестине и Египте актуализируют потребность в выработке взвешенной и беспристрастной государственной политики в отношении ислама. Эффективным шагом на этом направлении может стать расширение регионального и международного сотрудничества в данной сфере с целью использования позитивного опыта других государств по поддержанию веротерпимости и диалога между религиями. Исламский фак-

⁹ См.: *Гонтмахер Е.* Бедность — взрывоопасный груз // Российская газета (федеральный выпуск), 16 сентября 2004, № 3579 [http://www.rg.ru/2004/09/16/kavkaz.html].

¹⁰ См.: *Шмелева Е., Папина Т.* Бизнес предлагает ГЧП // Российская газета (центральный выпуск), 20 сентября 2004, № 3582 [http://www.rg.ru/2004/09/20/ekonomika-metody.html].

тор исторически присутствует в регионе, и есть вполне реальные возможности для его использования в поддержке государственности и интеграции на центральноевразийском пространстве.

Арчил ГЕГЕШИДЗЕ

Ведущий эксперт Грузинского фонда стратегических и международных исследований (ГФСМИ), преподаватель Тбилисского государственного университета. Профессиональные интересы связаны с вопросами региональной безопасности и сотрудничества на Южном Кавказе, а также с анализом политического риска. До работы в ГФСМИ в течение одного академического года находился в научной командировке в Стенфордском университете по стипендии Фулбрайт. Активную профессиональную деятельность начал в 1992 году на государственной службе, где восемь лет занимал различные должности, в том числе был помощником руководителя государства по вопросам национальной безопасности и главным советником президента по внешней политике. В 1992 году составил курс обучения по геополитике и написал учебник. Автор ряда публикаций по вопросам внешней политики и безопасности Грузии, создания Нового шелкового пути и т.д. Кандидат географических наук, имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ГРУЗИИ: РЕЛИГИОЗНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Резюме

Статья посвящена актуальным проблемам сохранения и усиления в Грузии толерантности, которая, по мнению автора, является неотъемлемой характеристикой современного грузинского общества. Анализируется взаимосвязь между этническими и религиозными составляющими региональных конфликтов. Показывается, что конфликты на религиозной почве между различными

этническими группами, проживающими в Грузии, довольно редки. Однако, считает автор, необходимо предпринять энергичные меры для их недопущения в будущем. В этой связи особую актуальность имеет эффективное координирование действий международных организаций и иностранных государств, заинтересованных в политической стабильности и экономическом развитии Грузии.

В Грузии понятие «этничность» тесно связано с понятием «религия», однако здесь отсутствует причинно-следственная связь между тем или иным верованием и этническими конфликтами. Вряд ли можно выявить в истории страны случаи конфронтации по религиозному признаку между различными этническими группами. Тем не менее пара-